

УДК 141.319.8 : 130.2

DOI: 10.26565/2306-6687-2019-60-02

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС: В ПОИСКАХ СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Городыская О. Н.

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии

Национального технического университета
«Харьковский политехнический институт»,
Харьков, ул. Кирпичова 2, корпус У1, к. 904

olgagorod241@gmail.com

ORCID 0000-0001-7665-2185

Статья затрагивает проблему антропологического кризиса в условиях существенных трансформаций современного мира. Современная мысль, испытывающая значительное влияние результатов разработок информационных технологий и геномной инженерии, все более тяготеет к пересмотру прежних позиций в осмыслении человека и стремится сформировать его новый образ – гармоничного и даже более разумного, чем это было в эпоху Просвещения. В последней трети XX века постструктурализм и постмодернизм окончательно разрушили классическую модель человека-субъекта и сменили фокус интереса с метафизического плана жизни на приземленный, практический, телесный. Такая позиция стала естественным следствием развития западной культуры, в которой многообразные способы нового пространственно-временного восприятия мира опосредуются новыми технологиями и растущей сетью массовых коммуникаций. Однако для создания полноценной, практически востребованной модели человека необходимо проанализировать возможные перспективы ее применения, в частности, – в образовании и воспитании, а это требует изменений общемировоззренческих и философских оснований. Рассмотрены две возможные стратегии преодоления кризиса – конструктивистский подход и трансгуманистические идеи. Конструктивизм отрицает наличие заранее определенных сущностной природы человека, его базовых руководств и мотиваций. Напротив, конструктивизм рассматривает человека как психологический процесс и предлагает описание способов, которыми люди руководствуются при конструировании своей жизни. Таким образом, поведение человека не управляется, а выбирается, и он не имеет заданных авторитетов. Согласно трансгуманизму на смену человеку нынешнему идет «постчеловек», способный управлять своими психическими, интеллектуальными и волевыми качествами. В трансгуманизме также появилось направление экстропии, подразумевающей поступательное техногенное развитие, эволюционирование человека на базе сформулированных Максом Мором принципов. В реализации этих принципов Мор видит философию будущего человека, но все они очевидно отсылают к человеку – обладателю разума, способному через обучение и науку изменить себя и мир. Для воплощения идей экстропии требуется значительная трансформация всей системы образования и воспитания, даже более – изменение самих основ жизни человечества. Оба подхода утверждают отказ от трансцендентального измерения, однако это обостряется вопрос о роли каждой личности в процессе формирования новой модели человека, что не может не вызывать определенные сложности в реализации обоих проектов.

Ключевые слова: человек, антропологический кризис, конструктивизм, экстропия, трансгуманизм, психагогика.

Городиська Ольга Миколаївна (кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри філософії Національного технічного університету «Харківський політехнічний інститут») АНТРОПОЛОГІЧНА КРИЗА: В ПОШУКАХ СТРАТЕГІЇ ПОДОЛАННЯ

Стаття торкається проблеми антропологічної кризи в умовах суттєвих трансформацій сучасного світу. Сучасна думка, що відчуває суттєвий вплив результатів розробок інформаційних технологій та геномної інженерії, все

більше воліє до перегляду попередніх позицій щодо осмислення людини та прагне сформувати новий її образ – гармонійної та навіть більш розумної, ніж це було за доби Просвітництва. В останній третині ХХ століття постструктуралізм та постмодернізм остаточно зруйнували класичну модель людини-суб'єкту та змінили фокус уваги з метафізичного плану життя на приземлений, практичний, тілесний. Така позиція стала природним наслідком розвитку західної культури, в якій різноманітні засоби нового просторово-часового сприйняття світу опосередковано новими технологіями та мережею масових комунікацій, що ростуть. Проте для створення повноцінної моделі людини, яку можливо було використовувати практично, необхідно проаналізувати можливі перспективи її застосування, зокрема, – в освіті та вихованні, а це вимагає змін загальносвітоглядних та філософських основ.

Розглянуто дві можливі стратегії подолання кризи – конструктивістський підхід та трансгуманістичні ідеї. Конструктивізм заперечує визначеної наперед сутнісної природи людини, її базових провідів та мотивацій. Навпаки, конструктивізм розглядає людину як психологічний процес та пропонує опис засобів, якими люди керуються під час конструювання свого життя. Таким чином, поведінка людини не є керованою, вона обирається, і людина не має заданих авторитетів. Згідно трансгуманізму на місце теперішньої людини йде «постлюдина», здатна керувати своїми психічними, інтелектуальними та вольовими якостями. У трансгуманізмі з'явився напрямок екстропії, який передбачає поступовий техногенний розвиток, еволюціонування людини на базі принципів, що їх було сформульовано Максом Мором. У реалізації цих принципів Мор вбачає філософію майбутньої людини, але усі вони, вочевидь, посилюються на людину – носія розуму, здатного шляхом навчання та науки змінити себе та світ. Для втілення ідей екстропії необхідна значна трансформація усієї системи освіти та виховання, навіть більше – зміни самих основ життя людства. Обидва підходи стверджують відмову від трансцендентального виміру, проте це загострює питання про роль кожної особистості у процесі формування нової моделі людини, що не може не викликати певних труднощів у реалізації обох проектів.

Ключові слова: людина, антропологічна криза, конструктивізм, екстропія, трансгуманізм, психагогіка.

Gorodyskaya O.N. (Candidate of Philosophical Sciences (Ph. D in Philosophical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of Philosophy Department, National Technical University "Kharkiv Polytechnic Institute", Ukraine) ANTHROPOLOGICAL CRISIS: SEARCHING FOR OVERCOMING STRATEGY

The article deals with the anthropological crisis problem in the conditions of contemporary world essential transformations. Contemporary thought significantly influenced by the informational technologies and genetic engineering researches results strives more and more to reconsider the previous positions in comprehension of human and to form his new image – harmonious and even more intelligent than it was in Enlightenment epoch. At the fall of 20th century post-structuralism and post-modernism have completely destroyed the classical human-subject model and changed the focus from metaphysical dimension of life to the practical, bodily, down to earth. Such point of view became a natural consequence of Western culture development where the diverse ways of a new space-time perception are realised with new technologies and mass communications net. However to create full-fledged and practically useful human model there is necessary to analyse possible perspectives of its applying, particularly in education and upbringing and this requires changes in general worldview and philosophical basis.

There were considered two possible strategies of crisis overcoming – constructivism approach and transhumanism ideas. Constructivism negates the priory definite substantive human nature, his fundamental guidance and motivations. In contrast constructivism considers human to be psychological process and proposes the description of those ways humans follow constructing their lives. So human's behaviour is not governed but chosen, and he has no already given authorities. According to transhumanism today human is changed by "post-human" capable to manage his psych, intellectual and strong-willed characteristics. In transhumanism there is also emerged extropy direction involving gradual technogenic development and human evolving on the basis of the principles formulated by Max More. In those principles application More sees the philosophy of future human though all of them presuppose human to be the reason possessor capable to change himself and the world with the help of education and science. Embodiment of extropy ideas requires the significant transformation of all the educational and upbringing system and even more – the change of humankind life basis. Both approaches assert the refusal of transcendental dimension though it sharpens the question about each person contribution into the new human model formation process that could cause certain complications in implementation of both projects.

Key words: human, anthropological crisis, constructivism, extropy, transhumanism, psychagogie.

Уже долгое время философия пытается осмыслить кризисные явления антропологического характера и выстроить столь необходимые способы ухода от них, проложить новые направления развития и жизни человека. Подобные попытки имеют место не только в философии, но и в других областях, практических, – в образовании, воспитании, психологии, ряде социальных

практик. Однако следует подчеркнуть, что все старания (какими бы целесообразными и жизненно необходимыми они ни выглядели) по преодолению кризисных явлений не могут иметь по отдельности решающего значения, поскольку отсутствие кардинально обновленных мировоззренческих положений, занявших принципиальные позиции, оставляет конечную цель, а именно, – преодоление столь масштабного кризиса, – неосуществимой. Таким образом, при решении антропологического кризиса речь может идти только о построении новой философии человека, которая могла бы стать основанием для реализации всех проектов по преобразованию человечества и мира, и значит, поиск новой философии человека все еще остается *актуальной* проблемой.

Как уже отмечалось, существует довольно большая философская традиция изучения антропологического кризиса, и здесь нет нужды приводить все возможные позиции и оценки данного явления. Начиная с XIX века, философия неоднократно показывала несостоятельность традиционных представлений о человеке, а век XX лишь усугубил это положение, то есть можно говорить о значительной *разработанности проблемы* антропологического кризиса, чего нельзя сказать о вопросе его преодоления. О философской рефлексии в антропологическом поле можно говорить, начиная с Э. Гуссерля и заканчивая постмодернистской мыслью, когда человек превратился в пустую копию или бессодержательный конструкт. Однако уже в конце XX–начале XXI века антропологический кризис приобрел новое звучание в связи с открытиями в генетике, физиологии, медицине, а также с новым витком развития техники и с появлением биотехнологий. В этих условиях невозможно говорить о достаточности философских работ по заявленной проблеме, и это позволяет обозначить основной *целью* данного исследования общий анализ современного состояния антропологического и осмысление отдельных стратегий и методологических интенций в преодолении непрекращающегося кризиса человека.

На сегодняшний день антропологический кризис отмечен усилением техногенности и дальнейшим ослаблением и искажением экзистенциального измерения в жизни человека. Если говорить о связи кризиса с развитием техногенной цивилизацией, то следует отметить, прежде всего, значительное повышение качества жизни человека, основанное на расширении потребления (товаров, услуг) и на увеличении продолжительности жизни (в частности, за счет биотехнологий и изменений в медицине). При этом ведущим фактором здесь оказывается стойкий прогресс в науке и технике, но вместе с тем наблюдаются значительные побочные эффекты, сказывающиеся, в первую очередь, на самоощущении человека, на восприятии им своего внутреннего мира. Среди подобных противоречивых явлений, сущностно влияющих на жизнь человека, можно назвать трансформацию мировоззрения, биотехнологизацию и феномен управления сознанием.

Так, мировоззрение современного человека под воздействием быстро изменяющегося мира теряет устойчивость, подчиняясь условиям коммуникации и труда, что значительно облегчает его управляемость. Поскольку наиболее востребованными качествами личности сегодня выступают пластичность, универсальность, гибкость, человек во всех его проявлениях оказывается весьма благодатным полем для приложения новейших технологий, какие бы цели ни ставились. Прежде всего, речь идет о биотехнологизации жизни человека, в результате чего можно наблюдать появление некоего техно-человека, человека нового типа, в организме которого внедренные элементы включаются в общий процесс изменений, в том числе – появление и культивирование новых возможностей и способностей. Причем здесь речь не только о телесном, но и об интеллектуальном (например, использование искусственного интеллекта и его производных), что ставит человека в полную зависимость от технического, поскольку очевидно, что невозможность своеобразного симбиоза с техническим выводит человека за пределы цивилизационного процесса, а значит, во многом и социума. В такой ситуации особое значение приобретает феномен управления сознанием посредством Интернет технологий и средств массовой информации (с помощью той же сети Интернет). Человек незаметно для себя обретает потребности, желания, настроения, мнения, оценки, даже принципы, которые он, вероятно, никогда бы не обрел самостоятельно. Этот процесс, очевидно, опирается, в том числе, на методы нейрофизиологического программирования, что позволяет внедряться в область подсознания, и дает возможность полностью моделировать требуемый индивид. При таких условиях говорить о нормах морали, о традиционных гуманистических ценностях не приходится, ведь техногенный фактор просто опускает подобные вопросы, программируя человека на получение удовольствия как предельную цель его жизни.

В свете упомянутых процессов столетие рефлексии о человеке оказывается почти бессмысленным, хотя если проанализировать, как различные мыслители видели суть и проявления антропологического кризиса, можно говорить о почти тотальном философском предвосхищении тех процессов, которые мы наблюдаем сегодня. Так, для К. Ясперса кризис проявлялся, прежде всего, в утрате человеком доверия к духовным авторитетам, в осознании опасности утраты гуманности, так же как и подлинного духовного бытия. Для Ортеги-и-Гассета кризис выразился в массовизации культуры, для К. Манхейма – в крахе рациональности, кризисе системы оценок, в том числе в области образования, для Р. Гвардини – в утрате гуманности, обезличивании, беспомощности перед союзом власти и техники, дефиците переживания, непосредственного восприятия. М. Бубер видел суть кризиса в распаде прежних органических форм совместной жизни в человеческом сообществе (семья, община, религиозный союз), в овеществлении социальных связей и отчуждении человека, Э. Мунье – в кризисе деятельностных способностей человека, разложении классического представления о человеке, социальной и духовной разобщенности, господстве массы, воцарении страсти к комфорту, удовлетворенности. Для К. Юнгера кризис выразился в переходе от человека-творца, героя, личности к индивиду, проходящему к тому же через процесс всеобщей нивелировки. П. Тиллиху виделось разрушение модели человека, сформировавшейся в Новое время, Э. Тоффлеру – упадок систем образования и здравоохранения как проявление кризиса индустриального общества, а для Н. А. Бердяева, как и для Вяч. Иванова, антропологический кризис был, прежде всего, кризисом гуманизма в целом. «Таким образом, мы можем констатировать кризис гуманизма скорее, чем собственно антропологический, гуманизм остается как декларативный императив, но перестает быть безусловным для культуры и для обыденного сознания. Кризис проявляется, прежде всего, в крушении культурной парадигмы, кризисе мировоззрения... но не самого человека» [3, с. 145-146]. Таким образом, человек все еще есть, но какой он и каково его место и цель, – это те самые принципиальные положения, которые отсутствуют.

Следует отметить, что ряд упомянутых мыслителей, кроме своего видения кризисной ситуации, также выдвигали возможные способы нивелирования или хотя бы выхода из нее. Однако в силу все большего разворачивания и нарастания кризисных явлений, вследствие все большего искажения экзистенциальной составляющей человека, выработка способов всестороннего преодоления антропологического кризиса должна выйти сегодня на новый уровень. Говоря о кризисе гуманистической парадигмы, следует отметить все же известную долю ее естественной метафизичности, и именно с этим связана также и проблема неразрешимости текущей ситуации. Парадокс заключается в том, что гуманистическая парадигма и неразрывно связанный с нею антропоцентризм зародились и развились в ренессансную эпоху, когда ведущими характеристиками человека были воля, эстетическая и отчасти этическая составляющие, формировавшие представление о человеке как творце, что и позволило говорить о замещении в мироздании фигуры Бога фигурой человека. Лишь Новое время породило гуманизм рационалистического типа, когда был сформирован образ самодостаточного, разумного индивида, который и свое бытие обосновывает рационалистически, и бытие Бога, также из мышления он выводит духовную составляющую и утверждает свое центральное место в мироздании. Разум человека стал предметом культа, закрепленного идеологией Просвещения, и по сию пору в массовом сознании эта идея закреплена почти на подсознательном уровне – о человеке как самостоятельной разумной единице. Позднее такое представление о человеке было связано с «эпохой Модерна» и получило новое звучание, когда рационализм фактически трансформировался в сциентизм. Именно это привело к серьезному кризису не только в масштабах цивилизации, но и в судьбе человека, что выразилось в осознании потери им трансцендентальных, метафизических оснований и утраты жизненного базиса, а также в обесценивании тех гуманистических ориентиров, которые изначально обосновывались как краеугольные принципы.

Первым, кто выделил основные составляющие общего глубокого антропологического кризиса, был Э. Гуссерль. В своей последней, неоконченной работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Гуссерль подчеркивает несомненные успехи наук за последние десятилетия, однако это не снимает наиболее острых для автора вопросов: что может сказать наука о разуме, в чью форму она была облечена? Что она может сказать о неразумии? Что

она может сказать о человеке как субъекте свободы? «Исключительность, с которой во второй половине XIX века все мировоззрение современного человека стало определяться позитивными науками и дало себя ослепить достигнутыми благодаря им «prosperity», знаменовала равнодушное отстранение от тех вопросов, которые имеют решающую важность для подлинного человечества. Науки всего лишь о фактах формируют людей, заботящихся лишь о фактах. Эта наука... ничем не может нам помочь в наших жизненных нуждах» [2, с. 20]. Причины такой ситуации Гуссерль видит в особенностях развития самой западной науки. Она отбросила все метафизические вопросы, а вместе с ними – и все предельные вопросы о смысле и разуме. Таким образом, она лишила смыслового фундамента саму себя и формируемого ею современного человека. Посредством математизации наука заместила реальные объекты идеальными, то есть создала идеальную объективность, которая должна была при этом подводиться под реальные жизненные ситуации, и это породило свободное, априорное, систематически ориентированное мышление. Так и жизненно переживаемые ситуации и объекты стали подменяться идеальными сущностями, а в качестве истинной реальности стали выступать формулы. Человек оказался исключен из идеальной реальности объективной науки, поскольку совершенный метод стал приниматься за истинное бытие. Именно поэтому Гуссерль так отстаивал свой феноменологический подход, который был нацелен на описание феноменов человеческого сознания, то есть того мира, который дан человеку непосредственно, а также на описание того, как могут формироваться эти феномены.

Необходимо подчеркнуть, что речь вовсе не о целесообразности или успешности феноменологического подхода. Важно отметить, что идеи Гуссерля породили очень долгую и многообразную философскую традицию, которая весьма широко использовала эти идеи в самых разных проблемных областях, касающихся человека. К примеру, одним из тех, кто создал свое учение, был австро-американский философ и социолог Альфред Шюц. В феноменологической социологии, близкой по взглядам М. Веберу, Шюц, во многом повторяя своего учителя, приходит к мысли, что жизнь человека осознается через два типа конструктов: конструкты первого порядка, включающие обыденную жизнь и жизненные ситуации повседневного типа, и конструкты второго порядка, под которыми понимаются объективные научные понятия, надстраивающие над первым порядком. Шюц настаивал на неразрывной генетической связи между обоими типами конструктов, что должно было обеспечивать реальное изучение феномена человеческого.

К сожалению, выработки подобного всестороннего подхода в изучении человека не случилось, и жизненные ситуации все еще неподвластны научному методу, а истинно научные знания все еще далеки от реальных экзистенциальных проблем человека. Однако нам представляется, что Гуссерль и Шюц стали предвестниками, к примеру, традиции конструктивизма, столь популярной сейчас в методологии познания. Именно конструктивизм претендует, на наш взгляд, на статус одного из путей построения человеком нового знания о себе и мире. Появившись в психологической среде, конструктивизм для многих ученых и философов выступает как ответ на вопрос об универсальном методе изучения и, что много важнее, формирования модели человека и мира. В широком смысле конструктивизм выступает как особый метод самопознания, структурирующий и организующий. Безусловно, здесь возникает серьезный вопрос об объективности получаемого результата, однако если говорить о социальных практиках, особенно о педагогике, этике и психологии, то изучение человека, погруженного в ситуацию, в контекст, представляется не лишенным смысла. По мнению Тревора Батта, «как в экзистенциализме Сартра, конструктивизм рассматривает индивида как «пустоту». Нет сущностной природы человека, нет базовых руководств, нет мотиваций. Нет инструкции для развития «готовой» личности. Напротив, мы имеем психологический процесс, описание способов, которыми люди руководствуются и почему. Каждый из нас развивает систему биполярных конструктов, которые утверждают способ нашего поведения. Наше поведение не управляется, а выбирается, и мы не имеем авторитетов, чтобы определить верное или дурное, когда мы сталкиваемся с моральными выборами» [5, с. 90]. Очевидно, что жизнь человека при таком подходе не опирается с необходимостью на некие исходные идеальные положения, принципы, на заданный смысл, и это снимает вопрос об универсальности, которая так близка традиционному научному объективизму. Вместе с тем конструктивизм явно настаивает на отсутствии в жизни человека метафизического измерения, высших ориентиров надындивидуального характера, что объяснимо, но не решает до

конца всех проблемных моментов. МакУильямс подчеркивает, что «конструктивистская альтернатива может пугать человека т.к. подвергает сомнению его базовые убеждения в том, что он сам создает смысл своего жизненного опыта. Она оставляет его без нечеловеческого источника истины, что означает неясность с реальностью, моралью и выбором» [6, с. 6]. Это означает, что мы не сможем в таком подходе найти те общие основания, которые дали бы возможность выхода опять таки к объективно-научному знанию, претендующему на единственно истинный результат в изучении человека как неотъемлемой части реального мира. Здесь можно даже усмотреть тот же парадокс познания, который тревожил философов со времен Протагора до Канта, – о невозможности абсолютной проверки нашего знания на истинность, что в вопросе о человеке видится особенно важным и желаемым: «Даже если мы предлагаем предсущствующее основание для знания, независимое от человеческого опыта, мы никогда не сможем найти путь для проверки, совпадает ли наше знание с этим основанием, т.к. мы никогда не сможем найти отдельную точку зрения, независимую от нашей человеческой точки зрения, с которой мы могли бы увидеть объективную точку зрения, говорящую нам, что наше знание совпало с миром» [6, с. 7]. МакУильямс подчеркивает, что мы в результате получаем лишь знание о том, что конструируем, и это составляет границы нашего знания.

Таким образом, мы приходим скорее еще к одному способу понимания и организации человеком своей жизни, близкому к экзистенциальному переживанию, но отнюдь не к универсальному научному подходу, что вполне оправдано, учитывая сложный характер жизни человека, который не только погружен в свое лимитированное пространство (как телом, так и сознанием), но и окружен такими же самоконструирующими себя индивидами. Конструктивисты утверждали, что «противоречивая природа социальных явлений (включая нормы и предпочтения) следует аргументации, в которой рассуждение сообщества структурирует дискурс. Когда рациональный подход к соответствию норм использует понятие фиксированных норм, утверждение норм требует постоянного процесса конструирования норм, влекущего за собой противоречивые элементы» [4, с. 396]. А если появляются противоречия, невозможно обойтись без некоего доминирующего дискурса, который традиционно связывается с государством и рационально детерминированным большинством. В этом случае проблематично говорить об эффективности конструктивистского подхода и замещении утвердившихся сверху норм, регулирующих поведение, реальным действием отдельного человека. «Представление о поведении было замещено действием, то есть, проводником, который распознается как носитель знака личной интенции. Значит, когда поведение замещается действием, а мотивация выбором, это представляется, как сказали бы психологи, способом конструирования правильного/неправильного или способом избежать совершения актов зла» [5, с. 88]. Очевидно, акцент переносится на частного человека во всех его проявлениях, когда он может избегать ненужного воздействия на его тело и сознание, трансформировать мировоззрение согласно своей точке зрения, избегая зависимости от биотехнологий, что, в конечном счете, и может оправдать человека как разумную единицу, хотя здесь даже само понятие «разум» потребует серьезного пересмотра и уточнения.

Парадокс как раз и заключается в том, что современный мир давно должен был опереться на разумный ответственный выбор каждого человека, и каждый человек должен был действовать с полным осознанием того, что он делает и для чего, задавая смысл и цель, без ущерба для других. Это вопрос не только нравственности, но уже перспектива выживания и сохранения. Если мы говорим о кризисе либеральной идеологии, то для преодоления кризиса коммуитарной парадигмы действительно нужно перенаправить усилия на поддержание социального порядка и социального блага не посредством закона как механизма обеспечения ценностей, а через опору на образование, убеждения, веру, нравственный диалог, развитие основополагающих моральных критериев [3, с. 146]. В этой связи конструктивизм не отвечает на все запросы, хотя, безусловно, может быть одним из путей, ведущих за пределы тотального кризиса. Однако еще более претенциозные цели ставит перед собой такое течение, как трансгуманизм. Все то же разочарование в идеале самодостаточного и разумного субъекта привело ряд мыслителей к необходимости формирования некоего сверхразумного «постчеловека», который не только будет продуктом приложения научно-технических, биотехнологических и информационных открытий, но и станет исходным пунктом нового эволюционирования человека.

Трансгуманизм, по мысли его приверженцев, является истинной жизненной философией, интеллектуальным и культурным движением, а также областью обучения. Его позиционируют как комплексное мировоззрение, родственное секулярному гуманизму и конфуцианству, которые имеют практическое применение для жизни без необходимости обоснования их верой в сверхъестественное или естественное трансцендентальное. Трансгуманизм может быть «обозначен термином «евпраксифия» («eupraxiophy»)… как тип нерелигиозной философии, которая отбрасывает веру, поклонение и сверхъестественное, напротив, – подчеркивая значимость и этическую наполненность жизни согласно разуму, науке, прогрессу и ценностям существования в текущей жизни» [7, с. 4]. Согласно трансгуманизму на смену человеку нынешнему идет «постчеловек», способный управлять своими психическими, интеллектуальными и волевыми качествами. Кроме того, трансгуманисты открыто отстаивают необходимость улучшения природы человека посредством технологий, чтобы преодолеть границы его биологического и генетического наследия.

В трансгуманизме появилось направление экстропии, подразумевающей поступательное техногенное развитие человека. Макс Мор, директор Института Экстропии, разрабатывая философию будущего человека, даже сформулировал принципы экстропии. К ним относятся: непрерывный прогресс (рост здоровой эффективности без границ), само-трансформация (этическое, интеллектуальное и физическое само-улучшение посредством всех доступных способов), практический оптимизм (постоянная активность с позитивными ожиданиями, как групповая, так и индивидуальная), интеллектуальные технологии (творческое и бесстрашное преодоление «природы» человека с использованием достижений науки и технологий), открытое общество (максимальная открытость инновациям ради постоянного улучшения и против статичной утопии), само-направляемость (ценность независимого мышления, индивидуальной свободы, личной ответственности и самоуважения вместе с уважением к другим), рациональное мышление (отстаивание разума перед слепой верой и поиска перед догмой) [8]. В реализации этих принципов Мор видит общую философию будущего, но все они очевидно отсылают к человеку – обладателю разума, способному через обучение и науку изменить себя и мир.

Однако даже заявка о том, что приоритетом трансгуманизм видит не утопию, а динамично и продуктивно меняющуюся реальность на основе научного, технического и разумного факторов, не может не вызвать впечатления о некотором повторении истории. Такая убежденность в разумной эволюции напоминает цитату из эпохи Просвещения, подразумевающую разумность человека, его способность к критическому мышлению и личную честность. Более того, декларируемое освобождение от трансцендентального выглядит не вполне убедительно, поскольку заявленные принципы выступают именно как новые идеалы, а идеалы никогда не существуют без известной доли недостижимости и метафизики. Хорошо известно, чем завершились усилия построить идеализированное разумное прогрессивное общество, и что такое представление эпохи Просвещения («эпохи Модерна») оказалось несостоятельным. Безусловно, экстропия создает элитарную модель человека, тоскующего по реализации разумной жизни, и немаловажным оказывается позиция самого человека в воплощении всех вышеуказанных принципов. Именно активная и ответственная деятельность личности позволила бы создать условия для обеспечения проекта экстропии, даже более того, – идеи экстропии требуют значительной трансформации всей системы образования и воспитания, а также изменения самих основ жизни общества. Модель человека, предложенная М. Мором, оптимистична и прогрессивна, но насколько она окажется жизнеспособной, можно понять лишь при радикальном изменении способа жизни человечества. И здесь весьма уместным выглядит изменение самих способов обучения и воспитания, пересмотр всех их механизмов. Таким специфическим методом формирования человеческого в свое время М. Фуко считал психагогику. Он различал педагогику и психагогику, «яка розуміється як передача істини, спрямованої на зміну самого способу буття людини… Якщо у першому випадку увесь тягар передачі знання лягав виключно на вчителя, наставника, то християнство розділило педагогіку та психагогіку, і, згідно до останньої, змусило того, хто потребує наставництва, самому говорити істину про себе, бо лише він сам і може її сказати. Такий підхід природнім чином спричинив зміни у способі буття душі, якою опікуються, тому християнське зізнання є найважливішою умовою реалізації психагогіки нового типу. За цієї ситуації саме той, хто потребує

керівництва, має бути наявним у правдивій мові як предмет власної правдивої мови. Такий підхід фіксував істину людини у ній самій, у її діях, її поведінці...» [1, с. 150-151]. Здесь речь идет отнюдь не о возврате к религиозной истине или практике. Психагогика заостряет внимание на самом человеке, который не просто принимает все знание из окружающего мира, а начинает с вопроса о себе – сугубо философский шаг, который может дать возможность не просто осознать свое собственное место, но сформировать новую истину о себе и, вероятно, обозначить путь для выхода из кризиса для всего человечества.

Как видим, множество подходов в решении проблемы антропологического кризиса не позволяют прийти к однозначным и окончательным *выводам*. Вне всяких сомнений, ведутся активные поиски, и любое решение не выглядит сейчас окончательным. Проанализированные конструктивизм и трансгуманизм (экстропия) едины в несостоятельности метафизического основания в осмыслении проблемы человека, однако при этом они не предложили полноценного заместительного механизма, которым могли бы руководствоваться люди в жизни, конструируя себя и выстраивая свою деятельность. Оба подхода делают акцент на научном знании, хотя конструктивизм отказывается от традиционного объективизма в науке. Трансгуманизм, напротив, не просто утверждает объективизм, он призывает к абсолютизации научности в жизни человека в целом и в его дальнейшей эволюции в частности. При этом и конструктивизм, и трансгуманизм полагают, что каждый человек должен активно действовать независимо от целей – будь то решение отдельного нравственного запроса или включение в процесс будущей трансформации человека. Это означает, что можно говорить о необходимости нового гуманизма, не универсалистского и не рационального по сути, который может и должен начинаться с каждого человека, с его самосознания и самореализации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Городиська О. М. Масова людина та проблема психагогіки в умовах поглиблювання антропологічної кризи / О. М. Городиська // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. – 2018. – Вип. 3 (38). – С. 144-154.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / Э. Гуссерль; [пер. с нем. Д.В. Складнев]. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 400 с.
3. Дольская О. А. Человек в современном мире: на пути к новой парадигме образования : [монография] / О. А. Дольская, А. В. Голозубов, О. Н. Городыская. – Харьков : НТУ «ХПИ», 2016. – 216 с.
4. Brosig M. No Space for Constructivism? A Critical Appraisal of European Compliance Research [Электронный ресурс] / Malte Brosig // Perspectives on European Politics and Society. – 2012. – № 13:4. – P. 390-407. – Режим доступа : DOI: 10.1080/15705854.2012.731931.
5. Butt T. Pragmatism, constructivism, and ethics [Электронный ресурс] / Trevor Butt // Journal of Constructivist Psychology. – 2000. – № 13:2. – P. 85-101. – Режим доступа : DOI: 10.1080/107205300265892.
6. McWilliams S. A. Cultivating Constructivism: Inspiring Intuition and Promoting Process and Pragmatism [Электронный ресурс] / Spencer A. McWilliams // Journal of Constructivist Psychology. – 2016. – № 29:1. – P. 1-29. – Режим доступа : DOI: 10.1080/10720537.2014.980871.
7. More M. The Philosophy of Transhumanism [Электронный ресурс] / Max More // The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future. – 2013. – P. 3-17. – Режим доступа : http://media.johnwiley.com.au/product_data/excerpt/10/11183343/1118334310-109.pdf.
8. More M. Principles of Extropy [Электронный ресурс] / Max More. – 2003. – Режим доступа : <https://web.archive.org/web/20131015142449/http://extropy.org/principles.htm>.

REFERENCES:

1. Gorodyska O. M. Masova ludyna ta problema psykhologii v umovakh antropologichnoi kryzy [The Mass Human and the Problem of Psychology in Condition of the Anthropologic Crisis] [In Russian] / Gorodyska O.M. //Visnyk Natsionalnogo universytetu “Yurydychna Akademia”, filozofia, filozofia prava, politologia, sociologia. – 2018. – issue 3 (38). – p. 144-154.
2. Husserl E. Krisis evropeyskikh nauk i transcendentalnaya fenomenologiya / St-Petersburg, 2004. – 216 p.
3. Dolskaya O.A. Chelovek v sovremennom mire: na puti k novoy paradigme obrazovaniya [Human in the Modern World] [In Russian] / Kharkiv: NTU “KhPI”, 2016. – 216 p.
4. Brosig M. No Space for Constructivism? A Critical Appraisal of European Compliance Research [Электронный ресурс] / Malte Brosig // Perspectives on European Politics and Society. – 2012. – № 13:4. – P. 390-407. – Режим доступа : DOI: 10.1080/15705854.2012.731931.
5. Butt T. Pragmatism, constructivism, and ethics [Электронный ресурс] / Trevor Butt // Journal of Constructivist Psychology. – 2000. – № 13:2. – P. 85-101. – Режим доступа : DOI: 10.1080/107205300265892.
6. McWilliams S.A. Cultivating Constructivism: Inspiring Intuition and Promoting Process and Pragmatism [Электронный ресурс] / Spencer A. McWilliams // Journal of Constructivist Psychology. – 2016. – № 29:1. – P. 1-29. – Режим доступа : DOI: 10.1080/10720537.2014.980871.
7. More M. The Philosophy of Transhumanism [Электронный ресурс] / Max More // The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future. – 2013. – P. 3-17. – Режим доступа : http://media.johnwiley.com.au/product_data/excerpt/10/11183343/1118334310-109.pdf.
8. More M. Principles of Extropy [Электронный ресурс] / Max More. – 2003. – Режим доступа : <https://web.archive.org/web/20131015142449/http://extropy.org/principles.htm>.